

ДОКТОР СОЙФЕР ПЁТР

**ЧИСТЫЙ
ОСТАТОК**

Петр Сойфер

Чистый остаток

«Автор»

2026

Сойфер П.

Чистый остаток / П. Сойфер — «Автор», 2026

Лука Морич горел уже один раз — под Гао, в Мали, где бронемашину его взвода разнесло фугасом, а в голени навсегда осталась титановая пластина. После двенадцати лет во Французском Иностранном легионе и медицинского списания он нашёл единственное место, где хаос войны не может его достать: оператор двухкамерной кремационной печи под Марселем. Здесь всё подчинено регламенту — давление газа, температура кальцинации, зазор между гробом и стенками рампы. Здесь мёртвые не задают вопросов о прошлом. Но один рабочий день — с безымянным телом Sous X, с обедом по секундомеру, с внезапным скачком автоматики до 1180 градусов — раз за разом возвращает Луку туда, откуда он бежал: к сгоревшему бронеавтомобилю, к панике товарища, к цене одной секунды промедления. Повесть о человеке, для которого выживание и ритуал — одно и то же. Производственный гиперреализм: физика огня, анатомия пепла и попытка удержать личность на волоске точного, до минуты выверенного протокола.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Чистый остаток

ЧИСТЫЙ ОСТАТОК

повесть

Доктор Пётр Сойфер

Глава 1. Предварительная продувка

Шесть утра застаёт меня у бокового входа крематория, за час до того, как со стороны кольцевой дороги появится первый катафалк. Ключ входит в замок с тем же сопротивлением, что и вчера, и позавчера, — я не проверяю дату, я проверяю усилие: если поворот дался легче обычного, значит, кто-то смазал личинку без моего ведома, и это стоит выяснить прежде, чем начинать смену.

Главный рубильник щёлкает под ладонью, и здание отзывается низким протяжным гулом — включается приточно-вытяжная вентиляция, и холодный ночной воздух снаружи начинает медленно стягиваться внутрь через решётки у пола. Первые двадцать минут смены я провожу в тишине, не похожей ни на одну другую тишину за пределами этих стен: не тишина отсутствия звука, а тишина точно откалиброванного звука, идущего по одному и тому же контуру уже три года.

Я иду вдоль распределительной ramпы с манометром в руке. Давление газа — 2,4 бара, ровно то значение, положенное там в шесть утра любого рабочего дня. Отклонение на одну десятую я бы записал в журнал; отклонения нет, и я иду дальше, к смотровым окошкам из кварцевого стекла, протираю каждое сухой замшевой тканью, хотя грязи на них нет — привычка важнее необходимости. Термопары дают сопротивление в пределах нормы, я записываю цифры в блокнот, не в электронный планшет: планшет может зависнуть, а карандаш — нет.

В шесть двадцать я запускаю сорокапятисекундную продувку камеры дожигания — остаточные газы со вчерашнего цикла должны выйти прежде, чем в топку пойдёт новый огонь. Гул вентиляторов на эти сорок пять секунд поднимается на полтона выше обычного, и я стою рядом, слушаю его так, как другой человек слушал бы дыхание спящего рядом человека: не потому что жду перемен, а потому что перемены, если они случатся, важно услышать первым.

Воздух в крематории не пахнет тем, чем, по мнению большинства людей, должен пахнуть. Здесь нет запаха из их представлений — того, что они ожидают почувствовать, приходя сюда единственный раз в жизни на прощание с родственником. Мощная система вентиляции забирает всё раньше, чем оно успевает достичь зала. Пахнет озоном от разогревающихся контактов, сухой минеральной пылью шамотного кирпича и машинным маслом гидравлических приводов — три запаха, различимых для меня с закрытыми глазами и означающих порядок, а не смерть.

К половине седьмого первый гроб уже перемещён из холодильной камеры, где температура держится на отметке плюс два градуса, на подготовительный стол. Прежде чем прикоснуться к нему, я дважды сверяю документы: имя на бумажном сопроводительном листе против имени на пластиковой бирке, привязанной к ручке. Несовпадение хотя бы одной буквы останавливает всю процедуру — таково правило, и я следую ему не потому, что боюсь ошибки, а потому, что правило существует независимо от того, боюсь я или нет.

Следующий этап требует надреза. У покойного стоял кардиостимулятор — в сопроводительных документах это отмечено отдельной строкой, обведённой красным маркером сотруд-

ником похоронного бюро. Я делаю аккуратный надрез в области ключицы, извлекаю устройство размером с наручные часы без ремешка и откладываю его в контейнер для медицинских отходов: если оставить прибор в печи, литиевая батарея взорвётся при температуре около 900 градусов и повредит футеровку так, что ремонт займёт неделю простоя. Демонтирую металлические ручки с крышки гроба, снимаю пластиковый декоративный багет по контуру — всё, что не является деревом, должно быть удалено заранее.

На крышке соснового гроба, толщина стенки — двадцать два миллиметра, я закрепляю жетон: небольшую металлокерамическую пластину с выбитым номером 814. Она переживёт и огонь, и время — по ней в конце цикла остатки этого человека будут отличены от остатков любого другого.

Пока я работаю, в голове идёт свой собственный, параллельный процесс — не мысль в обычном смысле, а нечто вроде допроса, устраиваемого мной самому себе с той же регулярностью, с какой проверяю давление на рампе. Формы вопросов я помню наизусть — из анкеты, заполненной четырнадцать лет назад на вербовочном пункте Легиона в Обани, — и они сами всплывают, стоит рукам занять привычное дело.

— *Вопрос № 2: причины, побудившие вас подать заявление на вступление в Иностранный легион?*

— *Ответ: желание получить новые документы, стереть предыдущую автобиографию и иметь гарантированное трёхразовое питание.*

Я слышу собственный голос той поры — восемнадцатилетнего парня из хорватского детского дома, отвечавшего на этот вопрос сухо, без пауз, потому что знал: любая эмоция в ответе снижает шансы на зачисление. Сейчас, четырнадцать лет спустя, у меня в голове рождается его пара — модифицированный вариант, не произносимый вслух, потому что вокруг никого нет и незачем.

— *Вопрос № 2 (модифицированный): причины, побудившие вас выбрать работу оператора кремационной печи?*

— *Ответ: мёртвые не задают вопросов о прошлом, не нарушают дисциплину и не требуют сочувствия. И здесь нет грязи.*

Ответ приходит так же быстро, как и четырнадцать лет назад. Я не задумываюсь над его правдивостью — задумываться означало бы впустить в процедуру то самое сочувствие — а оно плохо совместимо с точностью надреза над ключицей.

В семь часов гроб на гидравлическом подъёмнике подан к загрузочному окну первой камеры. Я включаю пьезоэлектрический поджиг — короткий сухой щелчок, и голубая игла пламени возникает в глубине топки, тонкая и почти беззвучная на этом этапе, будто природа даёт себе время на раздумье, прежде чем разгореться по-настоящему. Гидравлика приводит в движение подъёмник, гроб плавно уходит в зев камеры, и я нажимаю кнопку закрытия шиберов.

Тяжёлая пневматическая заслонка опускается с глухим металлическим ударом — звук, отдающийся не в ушах, а где-то в грудной клетке, потому что здание достаточно массивно, чтобы передавать низкие частоты через пол. И в ту же секунду, когда шибер встаёт на место, а следом за ним начинает разгоняться основная горелка высокого давления с гулом, стремящимся к 850 градусам, что-то внутри меня переключается без моего участия — так переключается реле, минуя контроль сознания.

Гул двух турбовинтовых двигателей военно-транспортного C-160 Transall. Пыль Сахеля, забивающая горло раньше, чем самолёт коснётся полосы. Десантирование второй роты первого бронекавалерийского полка в раскалённый воздух под Гао — воздух настолько плотный от жара, что кажется, будто им можно резать, как тканью. Термическое излучение от стальной обшивки самолёта на взлётной полосе неотличимо, если закрыть глаза, от жара, идущего сейчас от стальной двери печи.

Вспышка длится не дольше секунды. Я не падаю, не задерживаю дыхание, не хватаюсь за край стола — за три года работы здесь тело научилось пропускать эти вспышки сквозь себя, не останавливая руки. Я сажусь за операторский пульт и слежу за графиком подъёма температуры на цифровом табло: 500 — 650 — 850 градусов, цифры сменяют друг друга ровно, без скачков, именно так, как должно быть при исправной автоматике.

Достаю из термоса чёрный кофе без сахара, делаю первый глоток, глядя в смотровое окошко, где сосновый каркас гроба уже начинает светиться изнутри тёплым оранжевым светом, а очертания дерева постепенно теряют резкость. В рабочем журнале записываю время начала цикла: 07:12.

Впереди — ещё три гроба, обеденный протокол на двадцать минут, ровно отмеренных по часам, и вечер — о нём я пока не думаю: план смены построен так, что думать о вечере в семь двенадцать утра — непозволительная трата внимания. Сейчас оно должно быть направлено ровно на одну вещь: на температуру в первой камере, идущую вверх точно по графику.

Глава 2. Пиролиз и кальцинация

К семи пятнадцати первичная вспышка древесины уже позади, и цикл входит в фазу активного пиролиза — самую долгую и самую требовательную к вниманию часть горения. Я стою у кварцевого смотрового окошка, здесь его называют *œil-de-bœuf*, бычий глаз, и слежу за цветом пламени так, как штурман следит за компасом: цвет — единственный прибор, заслуживающий большего доверия, чем цифры на табло. Ярко-оранжевое пламя означает, что горит древесина и текстиль обивки. Постепенный переход к прозрачно-голубому, а затем к почти белому свечению означает, что органика выгорела и начинается кальцинация костной ткани — фаза потери последней воды, после чего минерал становится тем, чем останется навсегда.

Я подстраиваю подачу кислорода через нижние сопла, фурмы, на четверть оборота — пламя чуть подбирается, становится плотнее. В камере дожигания температура держится у отметки 1050 градусов, ровно там, где дым сгорает полностью, не долетая до фильтров чёрным. Сверяюсь с газоанализатором на мониторе: выбросы прозрачны, цифры в зелёной зоне, система нейтрализует органические соединения без превышений.

Жар от стального корпуса печи проходит сквозь несколько слоёв термоизоляции, но всё равно добирается до кожи — сухое, стягивающее суставы тепло, вызывающее у любого человека через полчаса ноющую боль в костях рук. У меня ноет не только это. Я машинально провожу ладонью по правой голени, там, где под кожей вшита титановая пластина, и в такие моменты металл будто начинает жить своей жизнью — тянет, зудит, отзывается на малейший перепад температуры в операторской быстрее, чем я успеваю это осознать.

Вид выгорающего дубового каркаса, обнажающего минеральный остов скелета сквозь прогоревшие доски, каждый раз тянет за собой одну и ту же картину, независимо от того, хочу я её видеть или нет.

Буковар в начале девяностых. Детский дом на окраине, отапливаемый сырыми дровами и обломками разбитой мебели, потому что уголь давно закончился, а фронт стоял слишком близко, чтобы возить новый. Запах пепелища, вьёвшийся в стены, смешанный с запахом извести и застоявшейся сыростью подвала, где мы прятались по ночам. В разрушенном городе дома, машины и люди со временем становились одинаковой серой пылью — я это понял не из книг и не от воспитателей, а глазами, ещё до того, как научился формулировать это словами. Именно тогда, кажется, во мне и появилась первая защитная реакция: искать порядок и правила там, где их, по всем признакам, быть не должно.

Я не задерживаюсь на этой картине дольше пары секунд — задерживаться означает дать ей развернуться в нечто большее, а у меня в графике следующая проверка через семь минут. В

голове снова всплывает знакомая пара вопросов, на этот раз из другого документа — протокола военно-врачебной комиссии Легиона, составленного при списании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.